

ИМОДЖЕН КИЛИ

БЕЛАЯ
МЫШЬ

INSPIRIA

Москва
2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К39

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Imogen Kealey

LIBERATION

© 2020 by Imogen Kealey
(hereinafter called the Work)

Copyright © Heliotrope Entertainment 2020

Novel by Imogen Robertson, based on the screenplay by Darby Kealey
First published in Great Britain in 2020 by Sphere, an imprint of Little,
Brown Book Group

Фотография на обложке:

© LifeJourneys / Gettyimages.ru.

Кили, Имоджен.

К39   Белая мышь / Имоджен Кили ; [перевод с английского
С. Хатуевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-115678-7

1943 год, Марсель. Франция захвачена немецкими войсками.

Бывшая журналистка Нэнси Уэйк становится связующим звеном в Сопротивлении и получает прозвище «Белая мышь» за умение проходить блокпосты. Она постоянно рискует жизнью — тайно передает кому-то радиодетали, оформляет поддельные документы для беженцев. Даже на собственную свадьбу она приходит только после выполнения задания! Когда ее мужа Анри задерживают за шпионаж, Франция перестает быть для Нэнси домом. Она уезжает, чтобы присоединиться к британскому Сопротивлению и стать номером один в «расстрельном списке» гестапо.

Захватывающий роман, основанный на подлинной истории неуловимой разведчицы.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Хатуева С., перевод на русский язык,
2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-115678-7

ЧАСТЬ I

Марсель, январь 1943 года

1

Плохая идея. Очень плохая идея! Чёрт!

Нэнси спряталась за развалинами взорванной стены, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Вокруг полыхали дома, в горле першило от гари, а от дыма щипало глаза. Из-за неудобной позы начало сводить мышцы. Немецкий патруль был уже рядом — их голоса слышались всё отчётливее.

— Auf der linken seite. — Налево.

Ещё вчера стена, за которой она пряталась, была стеной дома, жилого дома. Одного из тысяч в этом неблагополучном и бедном уголке Марсея, в котором жили далеко не самые респектабельные слои населения. Из года в год они устраивали здесь потасовки, занимались мошенничеством и приторговывали, выбивая себе возможность прожить ещё один день.

А теперь развалины чьей-то маленькой грязной комнаты служили ей укрытием. На ней было не самое лучшее её пальто и далеко не лучшие туфли на каблуках, которые, заразы, очень жали. Через пробитую крышу виднелось безоблачное зимнее небо, но дверь в этой комнате была всего одна. Как же глупо было забегать сюда в надежде спрятаться от патрульных! Они с самодовольным видом прохаживались мимо руин, пока их сослуживцы закладывали взрывчатку в следующие дома, попутно выгоняя жильцов Старого квартала из их дыр. Патруль переходил из одного

БЕЛАЯ МЫШЬ

дома в другой, и её дом был следующим. Сверху долетало эхо разрывающихся вдали снарядов, грохот падающей кладки и очереди выстрелов.

— Парни, они там ещё крыс нашли, — сказал кто-то из них — немолодой, судя по голосу. Наверное, офицер.

— Но мне-то нужна мышь, — ответил кто-то ещё, и все засмеялись.

Друзьям Нэнси и в мирное время не пришло бы в голову забраться в эту часть города. Здесь было слишком опасно и слишком непривычно. Но она, оказавшись в первый день своего приезда в Марсель на крутых и узких улочках Старого квартала, сразу же влюбилась в них — в них и в тех пьяниц, игроков и прочих грешников, с которыми ей довелось здесь познакомиться. Она полюбила здешний злой и разноцветный контингент, яркие контрасты его жизни и нырнула в них с головой. У неё был талант оказываться там, где не надо. Именно поэтому зарабатывать на хлеб ей понадобилось не где-нибудь, а во Франции, и не кем-нибудь, а журналистом. Она знала, что благодаря австралийскому происхождению сможет повернуть то, что большинству француженок, щепетильных до собственной репутации, даже не снилось. В течение нескольких лет она научилась без страха передвигаться по этим извилистым улицам и переулкам, делить курево с шантрапой и грязно переругиваться с их главарями. Даже обручившись с одним из богатейших промышленников города, Нэнси не перестала делать то, что взбредёт ей в голову. И всё получалось. Когда началась война и запасы продовольствия оскудели даже в регионе Виши, Нэнси уже перезнакомилась с половиной спекулянтов города.

— Здесь пусто, капитан!

— Ладно, тогда в следующий, парни.

А потом в город пришли нацисты с их мерзкими рожами и хладнокровной жестокостью, разрушив иллюзию, что во

Франции ещё остались незахваченные территории. С зачинщиками беспорядков, контрабандистами и ворами Старого квартала они решили не церемониться, а просто сжечь их дома дотла и перестрелять всех, кто не успеет убежать.

Поэтому, сидя за стеной и ожидая приближающийся патруль, Нэнси была вынуждена признать: ехать сюда на это последнее задание, когда эсэсовцы ищут среди развалин выживших и бежавших, — плохая идея. На самом деле эти садисты в сапогах охотятся здесь только на одного человека — связную движения Сопротивления и организатора вывоза из страны беженцев, известную под именем Белая Мышь. А когда ты не только мисс Нэнси Уэйк, бывшая журналистка и принцесса на горошине марсельского бомонда, а ещё и та самая Белая Мышь, то ехать сюда — это очень плохая идея, совершенно не умная и ужасная, как ни посмотри.

Можно подумать, у неё был выбор! Все её задания важны, но сегодняшнее — критически важно и должно быть выполнено, даже если в процессе немцы порвут мир вокруг в клочья. Полная решимости, она вышла утром из роскошной виллы, в которой они жили с Анри, миновала патрули, разыскала в Старом квартале нужного человека, заставила этого лукавого и скользкого чёрта выполнить его часть договоренности и получила то, за чем пришла. Сейчас она сжимала под мышкой свёрток, обернутый пронацистской печатной лабудой из региона Виши. Нэнси заплатила за него тысячу франков, и, *если* получится вернуться живой, каждый сантиметр будет оправдан.

Нужно выбираться отсюда. Прямо сейчас, иначе она не успеет на следующую встречу. Если они найдут её и начнут допрашивать, это займёт время, даже если они купятся на её привычный спектакль: «Я? А что я? Я просто возвращаюсь с вод и не туда свернула. Как вам идет эта форма, офицер! Ваша мать, наверное, очень вами гордится». Бог свидетель,

сколько раз за последние два года флирт, подмигивания и красная помада помогали ей проходить досмотры и проносить секретные сводки и радиодетали для нужд Сопротивления под подкладкой сумки или под чулками у бедра. И сейчас ей во что бы то ни стало *нужно* попасть на следующую встречу вовремя.

Двое патрульных уже в коридоре. Чёрт! Если каким-то образом выгнать их на улицу, она сможет убежать через заднюю дверь. Либо так, либо придётся застрелить всех, кто встанет на пути.

Нэнси достала из сумки револьвер и облизала губы. Времени на метания не оставалось. Просто нужно это сделать. Она подняла голову и осторожно выглянула из-за разбитой оконной рамы, оценивая обстановку справа и слева. В доме по диагонали от неё сохранилась часть второго этажа. Кто-то пожадничал тротила. Нэнси рассмотрела стол и вазу, аккуратно стоявшую по центру. Стен и потолка в этой комнате не было. В вазе стояла одна распутившаяся роза, лепестки которой дрожали во всполохах огня. Что ж, прекрасно.

Нэнси открыла барабан револьвера, высыпала на ладонь пули и бросила их через плечо прямо на узкую улицу. Один из солдат нахмурился и повернулся, почувствовав какое-то движение. Она прижалась к стене и затаила дыхание, начав отсчет. Раз. Два. Раздался щелчок — огонь добрался до первой пули. Затем до второй.

— Ответный огонь!

Двое солдат в коридоре развернулись, выбежали на улицу и начали стрелять по горящим зданиям. Выйдя из комнаты, Нэнси ощутила запах кордита, исходивший от их формы. Патруль обстреливал пустоту, а она бросилась в заднюю часть дома, толкнула дверь, пробежала через узкий, в развалинах, палисадник и юркнула в лабиринт безымянных закоулков, вынырнув через некоторое время на относи-

тельно безопасной улице Рю-де-Бон-Пастер. Никого, ура! Не теряя времени, она побежала вниз, под гору, не в силах сдержать возгласа ликования. Свёрток, цел и невредим, был у неё под мышкой, а другой рукой она придерживала на голове элегантную соломенную шляпу, чтобы та не слетела. Нэнси стоило больших усилий бежать и не смеяться, как ребёнок, летящий сломя голову с горки на велосипеде.

Прямо навстречу другому патрулю. Или почти навстречу. Они стояли к ней спиной, и она метнулась к ближайшей стене, прижалась к ней и стала потихоньку отступать вверх по улице. В окне противоположного дома Нэнси увидела кошку. Та внимательно смотрела на неё. Нэнси прижала к губам указательный палец, надеясь, что животное не сможет определить на расстоянии, что она больше любит собак. В полуметре от себя она заметила проулок, заваленный бог знает каким мусором и узкий настолько, что в него с трудом мог бы протиснуться один человек.

Она свернула в него боком, стараясь не коснуться склизких стен и не запачкать пальто. Столь же грязными и засаленными выглядели и булыжники под ногами. Господи, какой мерзкий запах. Даже стоки рыбного базара в середине лета не так зловонны. Она стала дышать ртом, оглушенная стуком собственного сердца. Есть надежда, что горничная сможет спасти туфли, пусть они и жмут. Снова послышались голоса патрульных. Они нашли какого-то беднягу и начали на него орать. Он отвечал намного тише, и в его голосе слышалось отчаяние и страх.

— Не показывай им, что боишься, парень, это их заводит, — прошептала она сквозь зубы.

— На колени!

Дело плохо. Нэнси подняла голову на узкую полоску ярко-голубого неба и начала молиться. Не то чтобы она верила в бога, но вдруг в него верит этот француз или немец с пистолетом. А сколько человек сейчас спрячутся в близ-

лежащих домах и слушают, но слишком напуганы, чтобы пошевелиться? Может, они тоже сейчас молятся. Может, это что-то изменит. Может, нет.

Она услышала щелчок затвора винтовки, крик и топот бегущих в её сторону ног. Этот идиот пытается от них убежать. По стенам прокатилось эхо выстрела. Где-то совсем рядом с ней послышался гортанный выдох. Нэнси повернула голову и увидела, как он падает, выкинув руки вперёд, прямо напротив её проулка, посередине резко уходящей вверх вымощенной булыжником улицы. Он повернул лицо к ней. *Боже, совсем ребёнок. Максимум восемнадцать лет.* Она смотрела на него, и казалось, что он тоже её увидел. У него была гладкая оливковая кожа мальчика, рождённого под марсельским солнцем, глубоко посаженные карие глаза, высокие скулы. Одет он был в льняную рубашку без ворота, в каких ходил весь здешний рабочий класс. Ткань истончилась от многочисленных стирок, но была на удивление белоснежной — очевидно, трудами любящей матери. Боже, его мать. Где она сейчас? Струйка крови из его груди начала стекать вниз по улице, пробиваясь между крупными булыжниками. У него двигались губы, как будто он хотел прошептать ей какой-то секрет. Через мгновение его лицо загородили от неё сапоги немецкого солдата, который повернул голову в сторону площади и что-то прокричал. Нэнси не смогла понять, что именно. Ответ был коротким.

Солдат снял с плеча винтовку, закрыл затвор и прицелился. Когда он отошел на полшага назад, Нэнси снова открылось лицо молодого человека. Мир схлопнулся до этого кусочка мощённой булыжником улицы, отштукатуренной и залитой солнцем жёлтой стены и шевелящихся губ умирающего мальчика. Раздался треск, и по дороге разлетелись мозги и потекла кровь. Его глаза потухли, он дёрнулся и замер. Нэнси затрясло от ярости. *Ублюдки, которым никакой закон не писан. Убийцы.* Она засунула руку в сумку, сжала

ИМОДЖЕН НИЛИ

револьвер и лишь потом с болью в сердце вспомнила, что барабан пуст.

— Чёрт! — тихо выругался солдат и стер с края гимнастерки каплю крови. Слишком близко встал — будет знать в следующий раз. Он поднял голову на окно, где совсем недавно сидела кошка, посмотрел направо и налево. Деваться Нэнси было совершенно некуда. Ещё мгновение, и он её увидит, и она ничего не сможет сделать. Если не получится его убить, придётся спасаться с помощью разговоров. Она начала продумывать оправдания и льстивые фразы. Кого ей сыграть? Испуганную девушку или возмущённую французскую домохозяйку, угрожающую самим эсэсовцам своим богатым мужем и высокопоставленными друзьями? Нападение может стать лучшей защитой. К тому же возможность наорать на него — уже удовольствие, даже если в итоге её застрелят.

С площади снова кто-то что-то крикнул. Солдат развернулся и пошёл вниз, на ходу надевая на плечо винтовку и оставляя за спиной Белую Мышь, трясущуюся от ярости в своем убежище.

Нужно было подождать, поэтому она стала считать до пятидесяти, не сводя глаз с лица убитого парня. Один. Перед глазами встал Гитлер, выступающий в Берлине с речью. Нэнси тогда стояла в толпе, среди других журналистов. Слов она не понимала, но ощущала животный, омерзительный экстаз толпы. Она посмотрела на своих друзей. Как и она, они были иностранными журналистами и работали в Париже, и все вместе приехали в Германию, чтобы своими глазами увидеть этого смешного маленького человека и понять, что же он хочет. Друзья Нэнси все до одного были старше и гораздо опытнее неё, но они выглядели такими же испуганными, и на их лицах читалось то же самое отвращение, которое ощущала и она. Два. Вена. Подонки в коричневой форме штурмовых отрядов разбивают стёкла

еврейских магазинов, за волосы вытаскивают владельцев на улицы и бьют плетьюми на глазах у соседей. Кто-то из соседей отводит глаза, а кто-то — смеётся и аплодирует. Три. Вторжение в Польшу, объявление войны, месяцы ожидания. Четыре. Франция капитулирует, и она запикивает беженцев к себе в карету «Скорой помощи». Пять. Немецкие истребители обстреливают с бреющего полёта бегущих женщин и детей. Шесть. Анри возвращается с фронта, переполненный горечью и стыдом за то, насколько быстро сдалась Франция. Семь. День, когда пал Париж.

Эти образы вставали перед глазами один за другим. Нэнси сжала кулаки. Тогда, в Вене, она пообещала себе, что, если у неё будет возможность помешать нацистам, она это сделает. С тех самых пор всё то, что она пережила, только укрепляло в ней эту решимость. Она питалась собственной ненавистью к ним, радовалась малейшему успеху. Она считала, что Гитлер — сумасшедший, и он разобьёт себе голову о великую глыбу — Россию, и тогда ему придет конец. А она сделает всё возможное, чтобы хоть на мгновение приблизить конец этого порочного человеконенавистнического режима. Она знала, что ей надлежит бояться, сидеть тихо, держаться подальше от неприятностей и ждать, пока Гитлер и его шайка не потерпят крах, но переполняющая её злоба была сильнее страха, и сидеть тихо было совершенно невозможно.

Пятьдесят. Этот юноша. Этот мальчик, которого просто так взял и убил какой-то оккупант с винтовкой, пришедший захватить и разрушить Старый квартал Марсея. Миг, когда потухли его глаза... Нэнси вышла на улицу и вернулась на базарную площадь, даже не посмотрев на труп. Она никогда его не забудет. Она отцепила велосипед от перил у фонтана, положила свёрток в плетёную корзинку и выкатила его с площади.

Выехав на набережную Средиземного моря, сверкающего под зимним небом, словно драгоценный камень, она сня-

ла перчатку, наклонилась вперёд и провела ногтем с идеальным маникюром по краю газетной обертки, разрезав её, как ножом. В неё была завернута бутылка шампанского Krug 1928 года — именно его заказал Анри в Каннах в тот вечер, когда они познакомились. Нэнси перевернула свёрток надрезом вниз и поехала в фешенебельную часть города, где они с Анри жили с тех пор, как началась война. Шок от только что увиденной смерти молодого человека начинал сходиться. Она подняла лицо к небу и подставила его прохладному бризу. Будь прокляты немцы. А раз они повесили на Белую Мышь ценник в сто тысяч франков, значит, она на правильном пути. Столько на чёрном рынке стоят сто бутылок отличного шампанского. За это она бы, пожалуй, выпила, но сейчас нужно ехать домой и одеваться к собственной свадьбе.

2

Из окна гардеробной Анри Фиокка увидел идущую к крыльцу Нэнси. У него сразу отлегло от сердца, и он ощутил знакомую смесь удивления, страха и злости. Даже в день их свадьбы ей понадобилось ехать на задание. Что она везла в этот раз — письма для Сопrotивления, поддельные документы для очередного беженца, которому не терпится покинуть Францию, радиодетали для ячеек Сопrotивления в Марселе, Каннах, Тулузе? Нэнси всегда куда-то ехала, рискуя жизнью, передавая деньги или сообщения мало-знакомым людям. Как он это ненавидел. Шаткая, непродуманная система сети Сопrotивления вынуждала её доверять незнакомцам сейчас, когда и собственным родственникам доверять нельзя. Анри был патриотом — он, как и Нэнси, ненавидел немцев до белого каления и делил своё богатство

и свой стол с любим, кто действовал против врага. Но он от всего сердца молил бога, чтобы ему не пришлось делить с ними жену. Она, казалось, лишена страха с рождения, но Анри это чувство знал. Оно пришло вместе с любовью к ней.

Когда она вошла в дом, он приложил ладонь к окну и шёпотом произнёс её имя. Эта девушка ворвалась в его жизнь, как метеор, и принесла с собой свет, настоящее волшебство и хаос. Он влюбился в неё сразу — без остатка, в первый же вечер, словно бросился с обрыва в леденящие объятия океана, но он не до конца понимал, что нужно от него ей. Он был намного старше, и его жизнь — при всей её роскоши — была намного скучнее её жизни. Через год он понял, что его деньги её не интересуют. Вернее, она тратила их с искренним наслаждением — таким же, с которым погружалась в очередное удовольствие, но она это делала с какой-то детской радостью. Со временем он узнал о несчастливом детстве Нэнси и о том, как в шестнадцать лет она сбежала из Австралии в Америку, а затем в Лондон. О том, что её отчаянное желание отгородиться целым океаном или половиной мира от этого несчастливого детства нашло отражение в животной жажде удовольствий и ярой самодостаточности. Ещё через год Анри понял, что даже Нэнси время от времени нуждается в опоре, и она выбрала его.

Она выбрала его! Это знание наполняло его гордостью.

Сегодня вечером он назовёт её своей женой. Он знал, что даже после свадьбы она продолжит опустошать его кошелёк и безумно рисковать на благо Сопротивления. У него не было иллюзий на этот счёт, но сегодня — хотя бы сегодня вечером — он будет знать, где она. Будет знать, что она принадлежит ему.

— Возможно, *мне* стоит поговорить с Нэнси, — услышал он за спиной гнусавый голос. — Если она даже в день собственной свадьбы не может вовремя явиться на укладку, может, она и замуж-то выходить не хочет.

Анри оглянулся. На краешке кровати, словно старая цапля, сидела его сестра. В молодости она была симпатичной, несмотря на вытянутое лицо и тонкие губы, но каким-то образом, даже со всем своим богатством, она умудрилась озлобиться, и это, как он считал, её изуродовало. Когда он сказал, что уходит наверх одеться, она заявила, что пойдёт с ним, полная решимости сделать последнюю попытку уговорить его отменить свадьбу.

— Если хочешь, можешь попробовать, Габриэль, но она тебя просто прогонит с глаз долой. Помни — её не связывают рамки братской любви. Это я не выставляю тебя из комнаты, а она — да.

Габриэль проигнорировала этот столь явный намёк и продолжила говорить писклявым комариным голоском:

— Должна признать, она ругается на французском, как матрос на побывке. Где она научилась таким словам, Анри? Это же омерзительно!

Анри улыбнулся. Слушать, как Нэнси сыплет проклятиями на неродном для неё языке, было для него одним из величайших удовольствий.

— Она прирождённый филолог, Габриэль.

— Вздор! Она ещё и бесприданница! И отказывается принять католичество! Она хотя бы верит в бога?

— Очень сомневаюсь.

Она продолжила нить на полтона выше.

— Как ты можешь, Анри? Как ты можешь марать нашу семью этой грязной австралийской шлюшкой?

Это уже слишком, даже у братской любви есть пределы. Анри взял сестру за локти, поднял с кровати и с решительными видом повёл к двери.

— Габриэль, если ты ещё раз позволишь себе говорить о моей жене таким образом, больше ноги твоей в моём доме не будет. Если бы мне нужно было отдать мои деньги, мой бизнес, мою дражайшую семью в обмен на один час в ком-